

МАГОПОКАЛИПСИС

14

Товарищи
женщины!

Константин Денисов

Константин Денисов

Товарищи женщины!

Серия «Магопокалипсис», книга 14

<https://litres.ru/73952873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четырнадцатый том цикла "Магопокалипсис".

«Внимание! Если вы обнаружили у себя магические способности – немедленно пройдите регистрацию на Госуслугах!»

Именно такие сообщения стали приходить людям на телефон, когда в нашем привычном мире появилась магия. Новые силы и возможности почувствовали на себе около восьмидесяти процентов жителей Земли. Мир погрузился в хаос. Выжившие люди оказались вынуждены переживать последствия магического апокалипсиса – «магопокалипсиса», как его стали называть.

Содержание

1. Ярость	4
2. Осмысление	18
3. Без руля и ветрил	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Константин Денисов

Товарищи женщины!

1. Ярость

Не знаю, как эти ребята были настроены по отношению ко мне на самом деле.

Возможно, хотели сыграть в хороших, узнать как можно больше о том, кто я, откуда иду и ещё что-нибудь интересное, а потом убить и ограбить. Такое случается сплошь и рядом. А вдруг бы получилось выяснить что-то интересное о местах, где можно чем-нибудь пожить?

Но с другой стороны, могли и в самом деле проявить гостеприимство, посчитав за условно «своего». Ну, типа, нормальный парень, ходит один, не боится подходить к организованной группе и это уже само по себе заслуживает уважения.

Это всё было неважно. То, как они хотели поступить со мной, не имело абсолютно никакого значения. Они уже подписали себе приговор, поступив плохо с Ритой.

Я не ожидал, что мой поиск будет таким коротким и так быстро и, что самое главное, плохо завершится. Язык не поворачивался назвать такое стечение обстоятельств везением.

Может быть, я был бы больше рад, если бы мне не повезло. Продолжая пребывать в счастливом неведении, мог бы сохранить надежду на благоприятный исход.

Хотя мир сейчас такой, что в нём конец, это может быть ещё не конец! Вот только у этих ребят второго шанса не будет.

Я увидел протянутую ко мне руку и сделал совсем лёгкий жест. Пальцы посыпались на землю. Ещё один жест и туда же полетела кисть. Ещё пара взмахов и я добрался до локтя. Потом человек начал падать и шинковать его дальше я уже не мог.

Впрочем, не только в этом дело. Ситуация вообще изменилась. Я её изменил.

Всё происходило очень быстро, за считанные мгновения, но для меня время растянулось... и я был уверен, что это совсем не субъективность восприятия и уж тем более не фигура речи. Всё вокруг происходило в замедленном темпе, лишь я сохранял былую подвижность и скорость реакции. Хотя... возможно мне это всё же просто казалось...

Я не стал забирать у них ману. Это было бы слишком просто и могло деморализовать их. Я хотел, чтобы они потерпели поражение, будучи в полной силе. А может быть, я просто словил какую-то бациллу саморазрушения и теперь шёл по грани, рискуя погибнуть. Но поступить по-другому почему-то не мог.

К тому же я не хотел убивать их быстро. Мне нужно было

растянуть этот процесс на максимальное время, чтобы они до краёв вкусили боли и отчаяния. Пускай сожрут ту пилюлю, которую скармливали своим жертвам. А в том, что Рита была не единственная, я ничуть не сомневался.

Страх, боль и отчаяние, вот что я хотел им дать.

Хотя, честно говоря, в тот момент я об этом совершенно не думал. К таким выводам я пришёл позже, обдумывая произошедшее.

Но что было очевидно сразу, так это сидящая во мне клочущая ярость. Она была не яркой вспышкой, заставляющей мстить быстро и решительно. Она бурлила и кипела где-то внутри меня, как вязкая и густая лава. И эта консистенция ярости заставляла меня действовать довольно медленно и планомерно.

Увидев нацеленный на меня автомат, я просто снёс его владельца мощной струёй плазмы, превратив мгновенно в уголёк и наполнив воздух запахом горелого мяса. Но это было исключение. В основном я убивал их медленно. Отрубал кому-нибудь кусочек тела и переходил к следующему, оставив искалеченного истекать кровью, пока до него снова не дойдёт очередь.

Из отрубленных конечностей хлестала кровь, люди метались по стоянке из стороны в сторону, в панике от происходящего.

Конечно, всё было не так просто, и автомат у них был не один. Мне пришлось применять плазменные удары несколь-

ко раз.

Маги у них тоже были, причём некоторые с вполне мощными и необычными способностями. Похоже, что многие успели восстановить свои способности, или не успели их заново обнулить. Хлебнули бы чайку, возможно, снова не смогли бы магию использовать. Но до чая дело так и не дошло.

В меня летело что-то вроде игл, и даже в какой-то момент показалось, что они стальные, и я проиграл эту схватку. Но нет, это была магия чистой воды, и преодолеть мою защиту эти «снаряды» не смогли.

Про ледяные стрелы и плазменные шары можно и не говорить, на такое я просто не обращал внимания. Несколько раз меня пытались опутать какими-то липкими нитями вроде паутины, но тоже ничего не вышло, моя защита справилась. Но зато я нашёл того, кто это делал, и порубил его на куски сразу, чтобы не раздражал своими попытками меня спеленать.

Не было только огня, наверное, в самом деле тот, кто у них обладает такими способностями, сейчас был без магии.

Крики, уговоры, мольбы – этого тоже было предостаточно, но я не слушал. Меня не волновало, что они могут сказать. Я знал уже достаточно, чтобы вынести приговор, и теперь просто приводил его в исполнение.

Наконец, в живых осталось не больше половины, и те были в основном покалечены мной. Я подошёл к рыжебородо-

му, у которого была отрублена левая нога. Он сейчас пытался перетянуть культю ремнём, чтобы остановить потерю крови.

– Зачем, зачем ты это делаешь? – стиснув зубы, с трудом произнёс он, затягивая ремень на обрубке.

– Ты, наверное, и сам не раз слышал такой вопрос, – сказал я, – интересно, что же ты отвечал в таких случаях? Скажи, может быть и сюда этот ответ подойдёт?

– Больной ублюдок! – процедил рыжебородый.

– Это тебе говорили? Что ж, охотно верю, – сказал я.

– Ты больной ублюдок, – сказал, как плюнул рыжебородый.

– Странно, ты вроде бы всё хотел поговорить, надрывался, умоляя меня об этом, а как только я подошёл для беседы, начинаешь оскорблять. Где логика? – спросил я.

– Тварь! – снова бросил мне рыжебородый и застонал.

– Я всё никак не могу понять тебя и таких, как ты. Вы ведь постоянно применяете насилие к другим людям. Почему вы думаете, что его в итоге не применят к вам самим? – спокойно сказал я.

Хотя спокойствие это было очень относительным. Я – это был не совсем я. Как будто кто-то другой занял моё тело и творил всё это. И вот этот кто-то был спокоен.

– Такой мир! Только сильные выживают! – огрызнулся рыжебородый.

– Так в чём проблема? Я сильный, вы слабые, всё в рамках вашей логики. Просто пришло ваше время сдохнуть, –

сказал я.

– Мразь! – простонал рыжебородый.

– Вообще, у вас тут странное представление о силе. Думаешь, насиловать толпой бедную девушку, это сила? Нет, это слабость. Вы всегда были ничтожным бесхребетным дерьмом, просто, к сожалению, долго никто не приходил, чтобы вас убить. По праву сильного, как ты и сказал. Вы и так слишком долго коптели небо. Сегодня ваша история закончится, – сказал я и, резко удлинив плазменный клинок, лёгким движением руки отсёк рыжебородому вторую ногу.

– С-с-с-у-у-у-у-к-а-а-а-а-а! – застонал он, изогнувшись дугой от боли.

Я оставил его мучиться и пошёл дальше.

Всё вокруг меня по-прежнему было как будто нереально. Словно я смотрел на мир через искажённое стекло. Как будто меня от всего этого отделяла невидимая пелена. И вот вроде бы я хожу здесь, калечу и убиваю людей, но в то же время смотрю какое-то кино. Страшное, неприятное, но перестать его смотреть никак не могу.

Одному парню, рука у которого отсутствовал по локоть, я отсёк её по плечо и пошёл дальше. Стоны и мольбы о пощаде были основными звуками на этой, ещё совсем недавно, уютной и обжитой стоянке.

– Не надо! Пожалуйста! – протянув ко мне единственную оставшуюся руку, взмолился какой-то парень, – я сделаю всё, что захочешь! Вообще всё! Только скажи, что тебе нужно!

– Ты уже сделал всё, что мог! – сказал я, отсекая кисть протянутой ко мне руки, и пошёл дальше.

– Я с ними недавно! Я вообще не понимаю, что происходит! – проорал мужик, которому я всего-навсего отрубил две ступни.

– Да? А выглядишь точно как они! И логотип на твоей куртке точно такой же, как у всех остальных! – поднял я брови, – сдаётся мне, что ты, приятель, врёшь!

– Нет, нет! Я ничего не делал, никому не причинял зла, никого не убивал! Я невиновен! Ты же ведь мстишь за что-то, да? Но мне мстить не за что! – умоляющим тоном стонал он, истекая кровью.

– Возможно, – сказал я, – вряд ли, но возможно! Однако я не буду вас сортировать на виновных и невиновных. Ты не в суде, и здесь нет адвокатов. Потому для меня виновны вы все! Все, кто здесь находится. Коллективная ответственность за содеянное, неважно, участвовал в этом каждый, или некоторые просто смотрели.

– Пощади! – взмолился мужик, но тут же лишился руки и начал кататься по асфальту, завывая от боли.

Сделав круг, отрубая конечности у пока ещё живых, я вернулся к рыжебородому.

– Как ты? – спросил я его, – всё ещё хочешь разговаривать.

– Я понял, – простонал он, – это ты из-за той тёлки, да? После того как мы про неё вспомнили, ты с катушек слетел.

– Я никуда не слетал, – сказал я, хотя, положа руку на серд-

це, это была ложь, – это просто возмездие!

– Да она сама была не против! – продолжал цедить сквозь стиснутые зубы рыжебородый, – она была не в себе. Какая-то убитая, опущенная...

– И вы тут же поспешили этим воспользоваться, – сказал я, постепенно закипая. Увлёкшись процессом, я немного отодвинул в сознании Риту и всё, что с ней связано, но сейчас негодование вернулось, и клокочущая в глубине ярость снова начала бурлить сильнее.

– Да она хотела этого! – крикнул рыжебородый.

– И что же с ней в итоге случилось? – задал я вопрос, который всё это время откладывал, потому что хотел получить честный ответ, а для этого нужно было довести их до состояния, когда врать уже не имеет никакого смысла.

Рыжебородый, стиснув зубы, зло на меня пялился, часто дыша и потея, но молчал. Похоже, понимал, что ответ мне не понравится.

– Она с моста упала! – раздался рядом чей-то измученный голос.

– Тоже сама? И тоже, потому что этого хотела? – повернулся я к рыжебородому, перед этим посмотрев, кто говорит. Нужно будет потом расспросить его поподробнее.

Рыжебородый молчал, яростно сверкая глазами, которые постепенно затуманивались. Видимо, потеря крови давала о себе знать. Я подошёл к тому, кто сказал про мост.

– Как это было? – спросил я.

– Если я расскажу, пощадишь? – с надеждой спросил тот.

– Ты со мной торгуешься? – поднял я брови.

– Нет, нет! – тут же поспешил убедить меня парень. Если я не ошибаюсь, это был тот, кто запомнил имя Риты и сказал про Булгакова. Хотя я неточно запомнил, и всё было как в тумане. Да и не имело это никакого значения, – она хотела уйти, её не отпускали, она побежала, её догнали, пытались притащить обратно, потом там что-то произошло, и она упала с моста. Я видел это издали и подробностей не знаю. Но все были расстроены, что она упала. Никто не хотел её убивать.

– В это я могу поверить, – жёстко сказал я, – вы хотели и дальше ей пользоваться. Это как раз не удивительно. Кто был там, когда это произошло?

– Не помню, – пробормотал парень, но я ему не поверил.

– Я там был! – раздался сзади голос рыжебородого, – и что? Что ещё ты можешь нам сделать, больше, чем уже сделал?

– Естественно, я всех вас убью! – сказал я, – но мне нужно точно знать, что там случилось.

– Она упала с моста, что случилось! – злобно сказал рыжебородый, – да она сама этого хотела! Она вырвалась и сгинула!

– Как я и предполагал! Интересно у тебя всё получается, – сказал я, стоя над ним, – сначала сама захотела подвернуться групповому изнасилованию, потом сама захотела умереть!

Очень удобно! К тому же опровергнуть она твои слова уже никогда не сможет! Однако я готов в это поверить. Вы вполне могли её довести до состояния, когда смерть была наилучшим выбором. Но это только усугубляет вашу вину, а не снимает её...

Грохнул выстрел, и мне обожгло левое бедро.

Стреляли сзади. Я устоял на ногах и, резко обернувшись, дал струю плазмы в стрелка. Наверняка он хотел ещё раз нажать на спусковой крючок, но не успел. Смерть его была мгновенной.

Мне повезло, что первый выстрел он тоже смазал. Скорее всего потому, что, как и остальные, страдал от большой потери крови и еле-еле держался в сознании. Однако пока я сейчас разговаривал, он успел доползти до накрытых тентом мотоциклов и вытащить из ящика на багажнике одного из них ствол.

Я глянул на рану и решил заняться ей позже. Пуля прошла через мягкие ткани по касательной, по сути это была царапина. Большая, сильно кровоточащая, но царапина. На фоне окружающего меня членовредительства заботиться о такой ране было просто смешно!

Постепенно на стоянке всё затихало. Многие ещё даже будучи живы, потеряли сознание от потери крови. Криков уже вообще почти не было, стоны становились всё более и более вялыми. Дело шло к концу.

Рыжебородый, натужно сопя, пытался перетянуть себе

вторую ногу разорванной футболкой. Надо сказать, что воля к жизни у него была сильная. Даже несмотря на то, что всё это не имело никакого смысла, он продолжал бороться, будучи уже обречённым умереть.

Даже если предположить, что он сейчас не умрёт, то всё равно без ног выжить в современном мире у него вряд ли получится. Он был в любом случае не жилец, как и все остальные, но продолжал делать что-то, чтобы хоть на считанные минуты задержаться на этом свете.

Я посмотрел на разговорчивого парня, который рассказал мне про мост. Тот уже поплыл и хотя ещё каким-то чудом держался в сознании, однако взгляд его уже блуждал и собеседник он теперь вряд ли был хороший.

– Есть ещё что сказать? – присел я перед ним на корточки, – очисти душу перед смертью, расскажи мне всё!

– Мы плохо поступили с Маргаритой, – неожиданно просветлев на секунду взглядом, сказал парень, – и с другими тоже...

– Хорошо, что ты это понимаешь! – сказал я и пронзил ему сердце плазменным клинком, – будем считать это покаянием!

– Кто же ты такой? – пробормотал рыжебородый, – кто ты, раз можешь вот так прийти к куче здоровых мужиков и начать их медленно убивать.

– Могу, и периодически такое практикую, – сказал я, – но никогда ради удовольствия или ради наживы. Это всегда

возмездие за содеянное. Я недавно назвал себя санитаром леса. Думаю, что это очень точный термин. Я чищу генофонд человечества от всяких больных ублюдков, вроде вас.

– Если бы тебе удалось всех зачистить, остались бы одни слабаки! – оскалился Рыжебородый.

– Ты продолжаешь пребывать в уверенности, что вы сильные? Нет, это ошибка. Такое ложное чувство у вас возникло оттого, что вы постоянно издеваетесь и доминируете над теми, кто слабее вас. А это как раз признак слабости. Сильные всегда бросают вызов тем, кто сильнее! Только так можно проявить доблесть! – сказал я.

– Но если ты сильнее нас и победил, то получается это никакая не доблесть, сам ведь сказал, – оскалился рыжебородый.

– Нет, не доблесть, – тут же согласился я, – это возмездие. Я просто сделал то, что необходимо было сделать. Я мог бы разделаться с вами за секунду, но это было бы слишком просто. Нужно было, чтобы вы хоть немного осознали свою неправоту.

– Твоя идея провалилась! – сказал рыжебородый, – я всё делал правильно, и если бы ситуация повторилась, я поступил бы точно так же!

– Ты переоцениваешь свою значимость и моё желание научить вас уму-разуму. Всё проще. И через десять минут мир станет чище, потому что в нём будет меньше больных на всю голову ублюдков.

– Поверить не могу, из-за какой-то бабы... – слабеющим голосом проговорил рыжебородый.

– Да, ты, похоже, безнадежен! – вздохнул я.

– Но одно могу сказать точно! – вдруг приподнялся рыжебородый, – ртом она умела пользоваться отлично! Ты науч...

Его голова с глухим стуком запрыгала по асфальту.

Пора было заканчивать этот балаган. Нужно было сделать это раньше, не давая возможности рыжебородому меня достать. А у него это таки получилось! Клокочущая ярость вдруг вырвалась наружу, и я начал кромсать тела как уже умерших, так и ещё живых разрубая на мелкие куски.

По-моему, я кричал! Кричал и кромсал трупы до такого состояния, что понять, кто это был совсем недавно, стало совершенно невозможно.

Превратив всю банду едва ли не в фарш, я подошёл к боковому ограждению и посмотрел вниз.

– Идиот! – воскликнул я, сжав кулаки, – надо же было спросить у них, куда они дели тело!

Я оглянулся на стоянку, как будто надеясь увидеть там хоть кого-нибудь живого. Но это было, естественно, невозможно.

И тут вдруг реальность обрушилась на меня со всей своей неотвратимой жестокостью. Как будто морок, заволакивающий мир, рассеялся, и я увидел его настоящим. Вся стоянка была залита сплошным слоем крови и завалена бесформенными кусками мяса и костей.

Я посмотрел на себя. С ног до головы меня покрывал слой крови. Я вспомнил, что периодически протираю глаза от неё, когда брызги летели мне в лицо.

Ещё раз медленно обведя взглядом стоянку, я потрясённо проговорил:

– Господи! Что же я натворил!

2. Осмысление

Медленно и постоянно поскользываясь на крови, я добрёл до металлической скамейки и тяжело на неё опустился. Чтобы не видеть ад, что я сам здесь устроил, пришлось закрыть глаза. Внутри была пустота, голова превратилась как будто в гулкий колокол. Язык этого колокола медленно раскачивался и вот-вот должен был коснуться стенки. Было опасение, что когда это случится, то башка у меня просто лопнет.

Медленно вдыхая и выдыхая, я пытался взять под контроль свои эмоции. А они, надо сказать, пытались разорвать меня изнутри.

Ощущение, что всё случившееся было не со мной, а как будто в фильме, который я смотрел со стороны, никуда не уходило. Теперь я очень хорошо понимал фразу «бес вселился». Ощущение было очень похожее. Словно мной, моими действиями управлял кто-то другой.

Я понимал, что всё это из-за потрясения, испытанного от известия о случившемся с Ритой, но от этого было не легче. Нужно было просто убить их, оставив одного для допроса. А то, что я сделал, было... за гранью.

Не знаю, сколько я так просидел, вероятно долго. Но, когда оставаться на одном месте стало невыносимо, я встал и пошёл искать место, где можно было бы спуститься с эста-

кады. Нужно было найти тело Риты. Только это могло всё оправдать и искупить. Если оно уцелело, тогда не всё ещё потеряно.

На это занятие у меня ушёл весь день. Закончил поиски я лишь в темноте. Результат был нулевым!

Под эстакадой было полно всякого мусора начиная от бетонных обломков самой конструкции и кончая следами жизнедеятельности банды. Они всё, что им не нужно, просто скидывали вниз, устраивая вокруг своего висящего над землёй «полуострова» настоящую помойку. И туалет. Гадили они с торчащего бетонного обломка, выдающегося в сторону с эстакады. Это было похоже на старый корабельный галльон, расположенный над водой. Только здесь вместо воды были руины.

Я исследовал и пространство под их стоянкой, и дальше вдоль дороги, потому что не знал, где именно Рита сбросилась вниз. Мне не удалось найти никаких следов произошедшего, не говоря уже о теле.

Вопрос со следами меня тревожил особенно сильно. Ведь падение на бетон не могло быть бескровным, значит, место можно было бы найти... если бы не ливень! Этот проклятый поток воды с неба был способен смыть всё что угодно. И если он даже не полностью уничтожил следы, то, по крайней мере, сделал их настолько незаметными, чтобы я не смог обнаружить. Возможно, криминалисты с необходимым оборудованием сумели бы это сделать, но я не сумел.

И здесь возникала проблема. Получалось, что если бы я не влез в историю с мусорщиками, то мог бы оказаться здесь до дождя, следовательно, у меня было бы больше шансов обнаружить следы трагедии. Да много что могло пойти по-другому...

Вывод? Он в том, что в первую очередь нужно решать собственные проблемы, а только потом чужие. Больше эгоизма, больше внимания к себе. Всех не спасёшь, всем не можешь, да и нет у меня такой задачи. Никто меня на это не уполномочивал, так зачем же я всегда и везде лезу? Получается, что спасая незнакомцев, я жертвую теми, кто мне действительно дорог!

Уже в темноте я вернулся обратно на стоянку байкеров. Да, идти туда очень не хотелось. Прямо вот до физической боли не хотелось, но сейчас это было единственное место, где можно было найти хоть какую-нибудь зацепку по поводу Риты.

Кровь за день подсохла, над стоянкой висел какой-то стойкий неприятный запах, в остальном всё было по-прежнему.

Я был вымотан до изнеможения. И усталость эта носила не физический характер, а скорее эмоциональный. За этот день я полностью выгорел изнутри. Выгорел до состояния полной апатии и безразличия ко всему. Поэтому, забравшись под тент, я повалился на какую-то первую попавшуюся горизонтальную поверхность и отключился.

Отключился, было самым подходящим словом. Я как будто не спал, потому что не было ни снов, ни момента засыпания, ни момента пробуждения. Меня словно выдернули из розетки. А утром я просто открыл глаза. Открыл глаза и понял, что сделал это из-за доносящегося снаружи шума.

Не сразу разобравшись что это, прислушавшись, я понял что это чавканье и рычание. Выглянув из-под тента, я увидел небольшую свору диких собак, которые пришли поживиться человечинной.

Собак было шесть штук, и они были отощавшими до безобразия. Да, город стал недружелюбным местом даже для животных. Вообще, было удивительно, что они смогли уцелеть. Всю живность давно уже сожрали. И кошек, и собак, и даже крыс! Хотя последних истребить сложно, возможно, они сами ушли, поняв, что пропала кормовая база. Что им делать в мёртвом городе? Они, как всегда, просто сбежали с тонущего корабля.

Но как оказалось, некоторым животным всё же удавалось выжить, хоть и с трудом. Да, в этих районах собакам уже мало что угрожало из-за практически полного отсутствия людей. Но и есть им здесь тоже было нечего.

Когда я появился из-под навеса, они злобно зарычали, шерсть поднялась на загривках, глаза неотрывно следили за моими движениями, однако остервенело жрать, они не перестали. Это было важнее!

Я не стал им мешать, было совершенно наплевать на про-

исходящее.

У меня были дела поважнее. Я принялся обыскивать стоянку байкеров. Трофеи мне были в этот раз не нужны, хотя они и принадлежали мне по праву. Я надеялся найти хоть какую-нибудь косвенную подсказку о произошедшем с Ритой.

И как я мог не оставить в живых хоть одного человека, до выяснения всех обстоятельств произошедшего? Это было глупой и непростительной ошибкой. Возможно, что это бы ничего не изменило и ничем бы мне не помогло, но теперь я этого уже никогда не узнаю.

Была ещё робкая надежда, что кто-то из банды может быть сейчас «в командировке». Ну мало ли, послали небольшую группу за пропитанием. Возможно такое? Возможно!

Но сколько нужно ждать, чтобы это проверить? Неизвестно!

В любой другой момент меня на стоянке байкеров заинтересовало бы многое, но не сегодня. Сейчас было глубоко наплевать на всё то добро, что они скопили... а скорее, награбили. Не походили они на благородных рыцарей, которые всего добились честно.

Меня не интересовало ни оружие, ни еда, ни одежда, ни снаряжение.

Хотя по поводу одежды вопрос был пока что открытый. Когда я проснулся, то был по-прежнему весь перемазан кровью. За прошедшее с момента расправы время, а это уже без малого были сутки, кровь высохла коркой и доставляла

неприятные ощущения. Чтобы хоть немного от этого избавиться, я залез целиком, не раздеваясь, в большую пластиковую бочку, стоящую за всеми постройками в самом конце эстакады, прямо перед обрывом.

К этой бочке вела система труб для сбора дождевой воды. Это было умно. Сейчас бочка была переполнена после прошедшего ливня. Я знал, что, скорее всего, останусь в результате этого купания без магии на неопределённый срок, но было плевать. Даже, честно говоря, хотелось этого. Если я не умею сдерживать свои эмоции, обладая колоссальной силой, может быть, мне не стоит этой силой и владеть?

При погружении сразу же стало понятно, что магия исчезла. Это произошло практически мгновенно. Сидел я в бочке с водой долго, стараясь отмокнуть как следует. Рюкзак, пистолет и прочие мелочи я оставил рядом.

Когда мне показалось, что кровь начала постепенно растворяться в воде, я принялся оттирать её руками. Возможно, что это была иллюзия, но мне казалось, что она ни в какую не хочет отмываться ни с лица, ни с волос. Я шкрябал себя ногтями, но всё впустую.

Раздевшись прямо в воде, я принялся отстирывать там свои вещи, так и оставаясь в баке по шею. И если с кожаной куртки кровь смылась ещё более-менее нормально, то вот с остальной одеждой было куда хуже.

Вскоре вся вода стала красного цвета, и понять, помогают ли хоть сколько-нибудь мои усилия, стало совершенно

невозможно.

Наконец, я выбрался из бака и принялся развешивать одежду на верёвках, которые здесь были, наверное, специально для этого. Солнце уже начинало припекать, и вещи должны были быстро высохнуть.

Собаки, обожравшись с голодухи халявного мяса, никак не могли остановиться, а продолжали бродить по стоянке, выбирая теперь что съесть, очень придирчиво. Но уйти сил у них не находилось.

Надо сказать, на меня они практически перестали обращать внимание, привыкнув к присутствию странного человека, который не проявляет агрессии и не мешает есть. Так, иногда для профилактики порывивали лениво в мою сторону, обозначая, что мы по-прежнему не друзья. Но если делить нечего, то можно и потерпеть присутствие друг друга.

Меня тоже их присутствие особо не напрягало. Даже, наоборот, живые существа рядом немного отвлекали и успокаивали.

Я не стал брать чужую одежду. Не смог себя заставить надеть вещи этих уродов. Даже разобраться не стал, что у них там есть. Поэтому продолжил обследование стоянки, как был, в чём мать родила.

Перевернув всё вверх дном, я ничуть не продвинулся. Надежда на то, что я смогу найти тело Риты, таяла с каждой минутой. Впрочем, я и раньше не особо верил, что обыск принесёт плоды. Просто не могу уйти, не проверив все вари-

анты. Иначе мысли потом всё время возвращались бы к этому, заставляя сожалеть, что не проверил каждый сантиметр. А вдруг нашлось бы что-то важное?

Но не было ни женских вещей, ни хоть чего-то, что можно было бы связать с моей русалкой... да и вообще, любой другой женщиной.

Посмотрев на обожравшихся собак, которые всё же перестали есть и развалились на солнце, подставив ему свои раздутые животы, я тоже решил поесть. Аппетита не было, но про организм всё равно забывать не стоило. Ему нужны силы, и если есть возможность пополнить запасы калорий, нужно было этим воспользоваться.

Но перед этим я нашёл что-то типа таза, зачерпнул из бака красноватой воды и отнёс собакам. Поставив таз неподалёку, я ушёл. Они некоторое время недоверчиво смотрели то на меня, то на воду, но потом потянулись к поилке.

Вытащив из фургона столик и стул, я выставил на него обнаруженные банки с консервами. Припасы были свежими, из гуманитарных грузов. Где они их взяли? Вряд ли им сюда доставляют продовольствие. Ну да ладно, теперь они уже никого не смогут больше ограбить.

Вскрыв полулитровую стеклянную банку с тушёнкой, я принялся равнодушно уплетать мясо. Вроде бы и вкусно, да вот только эмоций я всё равно не испытывал.

Дело было в том, что спешить мне теперь было абсолютно некуда. Не то чтобы сейчас, а вообще! Те, кто остался в

Сокольниках, в общем-то, могут и сами о себе позаботиться. Команда мощная, нянчиться с ними вовсе не обязательно. На Орден Паука вообще плевать. Ну развлекаются они там где-то по-своему, и что теперь? Это не моё дело. Надо кому-то с ними разбираться, пусть разбираются.

По большому счёту неотложных дел у меня не было. Все эти дела я сам себе постоянно придумывал, брал на себя лишнюю ответственность за других людей... зачастую когда меня даже об этом не просили. За это лето и так сделано немало, можно и на покой уйти.

Я задрал голову и, щурясь, посмотрел на яркое солнце.

– Может в Крым двинуть? – задумчиво произнёс я, – в память о Рите! Она не добралась, так может, хоть я за неё дойду туда когда-нибудь и помочу ноги в Чёрном море.

Идея вроде бы была дурацкая, но что-то в ней меня зацепило! Мысль засела в голову и никак не хотела уходить.

И вроде бы умом я понимал, что пересечь половину европейской части страны сейчас задачка со звёздочкой, но всё равно не мог отказаться от этой неожиданно поселившейся во мне идеи.

Когда одежда высохла на солнце, я оделся и снова пошёл под эстакаду. Казалось, что вчера я сделал не всё, что мог. Недостаточно внимательно всё осмотрел. Нужно было взглянуть на всё свежим взглядом.

Я опять проверил всё пространство внизу и захватил ближайшие окрестности, полуразрушенные дома и скверы воз-

ле них. Ничего даже отдалённо похожее на свежую могилу обнаружить так и не удалось.

Я снова провозился до наступления темноты, и когда ползание по развалинам потеряло смысл, вернулся уже знакомой дорогой на стоянку байкеров. К тому же светочи работали с грехом пополам. После купания я хоть и высох, но магия восстановилась ещё не на сто процентов.

Собаки по-прежнему были там, и мой приход встретили равнодушно. Совсем привыкли. Только одна лежащая недалеко от принесённого мной тазика жалобно заскулила.

Таз оказался пустым, и я снова наполнил его водой. Когда ставил его на прежнее место, все шесть псин начали потягивать, но совершенно неагрессивно. Я бы даже предположил, что они таким образом говорят мне спасибо. Эту догадку подтверждало то, что они все дружно встали и неспешно побрели к тазу, повиливая хвостами. А это, насколько я помнил, добрый знак.

Помимо изменившегося в лучшую сторону поведения собак, на стоянке ещё кое-что стало по-другому. Появился довольно сильный и неприятный запах. Оно и понятно, трупы, проведя на солнце целый день, начали быстро разлагаться. Долго здесь оставаться не получится!

Однако и уходить куда-то на ночь глядя тоже не хотелось. Я зашёл в фургон, там благодаря закрытой двери запах почти не чувствовался. Да, там было много других «ароматов» жизнедеятельности бывших жильцов, и хотя они тоже были

не очень приятными, по сравнению с царящим на улице духманом, это были почти благовония.

Я повалился на какой-то топчан прямо возле входа и мгновенно отключился точно так же, как и прошлой ночью.

Проснулся утром, когда было уже светло. За ночь запах усилился и теперь пробирался даже в фургон. Дышать становилось здесь просто невозможно. Я поморщился, подхватил вещи и вышел на улицу.

Там меня чуть не свалило с ног смрадом, висящим над стоянкой. Был бы ветерок, он бы уносил эту вонь с такого открытого и продуваемого места, но, как назло, стоял полный штиль. Даже собаки отбежали на приличное расстояние и бродили дальше по дороге, вяло обнюхивая друг друга.

С одной стороны, я мог сжечь плазмой всё, что источает запах... с другой, оставаться здесь дальше не имело никакого смысла. Это место меня угнетало, и я не ушёл до сих пор лишь потому, что надеялся выяснить что-нибудь новое. Этого не произошло, и тянуть с отходом теперь было ни к чему.

Во время обыска я нашёл две большие канистры с бензином, литров, наверное, по сорок. Возможно, у байкеров это был НЗ, хотя, мне кажется, что бензин особо долго не хранится и со временем теряет свои свойства. Впрочем, я мог и ошибаться, потому что в этих вопросах был не силен.

Была мысль попробовать заправить один из мотоциклов, но я не очень хорошо умел на них ездить. Опыт такой был по юности, но поскольку прошло много времени, а эти аппара-

ты были значительно больше и тяжелее, чем те, с которыми я имел дело... в общем, не факт, что у меня получилось бы поехать и не вписаться сразу же куда-нибудь. Это при условии, что вообще удастся завестись.

В общем, решив, что мороки слишком много, а результат непредсказуем, я решил не связываться.

Да и слишком шумный транспорт. В вымершем городе звук мотоциклетного двигателя будет разноситься на километры! Не то чтобы меня сильно волновало... но всё же!

К тому же транспорт диктует маршрут. Ногами можно пройти там, где проехать не получится.

Эти доводы только утвердили меня в мысли не связываться с этой техникой.

Поэтому я нашёл большую сумку, собрал в неё исключительно мясные консервы, потом, уже уходя, опрокинул в разных частях стоянки обе канистры с бензином и, оставив топливо растекаться, быстро зашагал вниз с развязки.

Собаки встретили меня, радостно виляя хвостами. Это что, получается, мне удалось купить их лояльность парой тазиков воды? Дёшево отделался. Хотя, наверное, дело было всё же не в тазиках, а в отношении.

Если они в последнее время от людей чувствовали исключительно угрозу, то когда человек не просто не попытался их убить, а ещё и напоил, другими словами, проявил заботу... это, наверное, для них много значило.

Удалившись на безопасное расстояние, я, не оборачива-

ясь, послал назад шар плазмы и взорвал его прямо над стоянкой. Бензин вспыхнул, пламя быстро охватило все сооружения, и вскоре весь лагерь превратился в один большой костёр.

– Очистительный огонь! – пробормотал я, глянув через плечо на ходу.

Когда я прошёл мимо собак, они неспешно затрусили следом.

3. Без руля и ветрил

Мясные консервы я тащил как раз таки для четвероногих друзей. Сжечь всё, когда здесь рядом ошиваются эти страдалыцы, рука не поднялась. Хотя да, сгорело в пламени много полезного. Но я решил ничего здесь не оставлять. Если сюда кто и забредёт, то вряд ли добропорядочные горожане, скорее какая-нибудь конкурирующая «фирма». Такие же, как бывшие хозяева стоянки. А на них было как-то наплевать... да, по большому счёту на всех было наплевать. Собак вот только немного подкормлю, и на этом всё! Заканчиваю с заботой о других!

Я собирался вывалить консервы вниз, как только спущусь с развязки, но, увидев, что собаки не собираются от меня никуда уходить, решил сделать это позже. Они ведь ещё, наверное, от вчерашнего обжорства не отошли!

Я шёл без цели и направления. Просто переставлял ноги в ту сторону, куда глядели глаза. Возвращаться в Сокольники я не собирался. Всё случившееся нужно было как-то пережить, переварить внутри себя и научиться существовать со всем этим дальше. А как это сделать, я пока что не очень представлял.

Что-то бродило внутри, и корябалось вплоть до ощущения физической боли. В груди было тесно, и казалось, что мне

всё время не хватает воздуха.

– Интересно, а как начинаются проблемы с сердцем? Может быть, как раз так? – задумчиво пробормотал я, перекидывая тяжеленную сумку на другое плечо.

Это было даже забавно: победить Карачуна, шутя расправляться с одной бандой за другой и в итоге умереть от сердечного приступа!

Но в такой исход, честно говоря, не очень верилось. После открытия чакры моё здоровье и ресурсы организма сильно улучшились. У меня уже давно толком ничего не болело, а все раны заживали буквально на глазах.

Меня же на стоянке у байкеров ранили в ногу, но я про это умудрился забыть, а когда вспомнил, рана уже практически затянулась.

Но только какой толк от этого проклятого здоровья и невероятных боевых возможностей, о которых я раньше даже не смел мечтать, если я не могу уберечь тех, кто мне действительно дорог?

Может быть, стоит держаться подальше ото всех, чтобы ни к кому не привязываться и к себе никого не привязывать?

Подумав об этом, я обернулся на трусящих следом собак.

– Да, недолго у меня получилось придерживаться этой стратегии! – усмехнулся я, – вы сколько собираетесь за мной ходить? Чувствуете, что в сумке припасено кое-что для вас? Но потом ведь нам всё равно придётся расстаться! Ан-дестенд?

Но они, естественно, ничего не поняли, а только радостно завилияли хвостами, оттого, что я обратил на них внимание.

– Да, нужно, наверное, жить как животное, без лишней рефлексии: враг – лаешь на него, друг – виляешь хвостом. Без всех этих переживаний и душевных мук. Жить в настоящем моменте, а не в собственных мыслях и сожалениях, – задумчиво проговорил я.

Я размышлял ещё некоторое время, а потом вдруг рассмеялся:

– Ха! Я иду и разговариваю сам с собой! Забавно, куда меня это дальше приведёт? – и, вдруг устыдившись того, что смеюсь, когда знаю, что Риты больше нет, снова сник и загрустил.

Вспомнилось, как увидел её в первый раз. Когда после взрыва рухнул в воду и пошёл ко дну, и тут появилась она, заслонив головой солнце, вся в ореоле колышущихся в воде светлых волос. Это было сказочно!

И чёрт её дёрнул уйти? Ну раз так переживала обо мне, впала бы лучше в депрессию, плакала целыми днями, не вставала с кровати... и тогда была бы жива! Что нас толкает иногда на совершенно идиотские и нелогичные поступки?

Впрочем, не мне это говорить. Я как раз и есть мастер идиотских и нелогичных поступков. Можно даже сказать гуру! Постоянно влезаю туда, куда не нужно; иду туда, куда идти не следует; вмешиваюсь в дела, в которые соваться не стоит!

И с одной стороны это зачастую даёт положительный ре-

зультат и помогает спасти людей, но с другой стороны, постоянно ставит меня на грань. И вот настал момент, когда я на краю не удержался, «нога соскользнула» и я ухнул вниз. То, что это рано или поздно случится, было понятно давно, и вопрос был только в том, когда именно.

Большая сила — это большая ответственность, и я со своей, похоже, не справился. Нужно было как-то ограничить использование магии... или совсем от неё отказаться. Всегда быть в состоянии, как будто только что после ливня.

Интересно, а есть артефакты, блокирующие использование магии? Наверняка есть! Нужно раздобыть такой, и всегда носить с собой. Посмотрим, чего я буду стоять, без всех этих приколов с откачкой маны и плазменными мечами.

Мысль была интересной, и я стал активно размышлять, где же можно раздобыть такой артефакт. Вспомнил про свою прежнюю жизнь, до похода в Перово, после которого события покатались как снежный ком.

А может, наведаться к себе домой? Давно ведь там не был! Увидеть старых друзей и знакомых, посмотреть, что происходит в обжитой части города. Разобраться, наконец, что за сообщения слал мне Чук.

Незакрытых вопросов было много, и я понял, что опять начинаю искать себе точку приложения. А ведь именно от этого я и хотел уйти! Какая разница с кем именно и с каким местом эти вопросы связаны?

Если подумать, то таких долгов, которые я сам на себя по-

весил, наберётся огромное количество. Я так и не выяснил, что случилось с Аней, а ведь вину за её исчезновение чувствовал до сих пор. Это всё приводит обратно к Ордену Паука, заниматься которым мне больше не хотелось.

Не помог Нине выйти из летаргии, а ведь это я её туда погрузил... пусть и не специально, но именно мои действия спровоцировали это магическое подобие комы. Но и здесь, ниточки, пусть и тонкие, ведут к Ордену.

Дракайна спящая на острове и ведьма Лера, которая, возможно, продолжает за ней присматривать. Вопрос с драконом тоже повис в воздухе.

Если подумать, то наберётся ещё немало всяких задач, которые я собирался решить рано или поздно... но сейчас возникла внутренняя потребность на всё плюнуть и просто жить. Без тревог и обязательств. Не о ком не заботясь, но и за меня, чтобы никто не переживал.

Я шёл и даже не ощупывал пространство вокруг себя. Было плевать на возможные засады и неожиданные встречи.

Хотя, с другой стороны, за мной неспешно бежала сигнализация... шесть сигнализаций, которые должны были учуять чужое присутствие, если что. Хотя здесь всё, конечно, зависит от расстояния.

В общем, я положился на волю судьбы и решил вообще ничего не планировать, а плыть по воле волн. Что случится, то и случится. Как будет, так и будет. Что произойдёт, то и произойдёт. Без руля и без ветрил.

На пути попался сквер, где под раскидистым деревом стояла лавочка. Этот уголок удивительно хорошо сохранился. Вокруг всё сильно заросло, и если сесть на лавочку, то можно даже представить, что ты где-то в парке до магопокалипсиса. Почему до магопокалипсиса? Не знаю, просто мне почему-то захотелось думать, что никакой магии в этом мире нет, что всё идёт по-прежнему, что я просто шёл на учёбу или работу и присел отдохнуть.

Раскинув руки по спинке, а уставился на колышущуюся листву и завис. Мыслей не было, но это и хорошо. Я впал в некое подобие прострации, дав мозгу поработать без моего непосредственного участия. Пусть переваривает всё, что накопилось в его глубинах, может быть, впоследствии на поверхность и всплывёт что-нибудь хорошее... хотя не всегда то, что всплывает, это хорошо...

В общем, я сидел, смотрел на колышущуюся листву и ни о чём не думал.

Одна из самых больших собак в стае, помесь овчарки неизвестно с кем, подошла ко мне и, положив голову на колени, уставилась мне в глаза. И я вдруг понял, что с этими животными мы теперь друг другу совершенно не чужие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.